

«Строфы» И. Бродского: переключка с М. Цветаевой.

Михальчук Н.А. МГУ им. А.А. Кулешова.

Марина Цветаева, по ее определению, относилась к «чистым лирикам», «поэтам чувства». Поэтическое вдохновение она черпала исключительно из собственной безграничной души. Это объясняет цветаевскую «замкнутость на себе», некоторую отстраненность и от внешней жизни, и от исторических событий. В поэзии же Бродского сосуществуют собственно-лирический и интеллектуально-философский элементы. С одной стороны, он продолжил традицию – «поэзии чувства» – и прежде всего, поэзии Цветаевой, с другой – «поэзии мысли». Например, в стихотворении «Строфы» («Наподобье стакана...») мысленное обращение к близкому, далекому человеку, описание собственных переживаний перерастают у Бродского в интеллектуально-философские размышления о жизни, своей эпохе, роли в ней культуры, поэзии.

Сутью поэтических эмоций и мысли стихотворение близко мироощущению Цветаевой. Ее любовной лирике свойствен мотив непреодолимой трагической обреченности чувства. Любовь и разлука выступают в стихах Цветаевой в качестве тождественных понятий: «Любовь, это значит лук натянутый: лук: разлука» («Поэма конца»); «Не суждено, чтобы равный с равным... Так разминовываемся – мы». («Двое»).

В «Строфах» Бродского тема разлуки с любимой женщиной также интерпретируется как действие непреложных законов судьбы:

Все, что мы звали личным,
Что копили. Греша,
Время, считая лишним,
Как прибой с гольша,

Стачивает – то лаской,
То посредством реза...

Более того, иного исхода любви в жизни, которая «есть товар на вынос», автор не представляет. Пока еще в мире невозможна полноценная, счастливая любовь, основная суть которой – внутренняя свобода. Поэтому для Бродского «неуместней, чем ящер в филармонии, вид нас вдвоем в настоящем». «Хорошо, что мы врозь!» – таков трагический итог взаимоотношений любивших, и в нем явственно различимы устоявшийся скепсис, усталая ирония много испытавшего человека.

В художественной модели мира Цветаевой и Бродского понятие «жизнь» наряду с понятием «смерть» оказываются лишены всякого смысла. Представление о жизни у обоих поэтов уподобляется товарно-рыночным отношениям. В «Строфах» Бродского жизнь – «товар на вынос»: У Цветаевой – «сброд – рынок – барак». («Поэма горы»). В «Новогоднем» Цветаевой читаем: «Жизнь и смерть давно беру в кавычки, как заведомо пустые силеты». В «Строфах» Бродский вторит ей: «Дорогая, несчастных/ Нет, нет мертвых, живых».

Поэты близки противостоянием эпохе, чувством несовместимости с окружающей средой. Это воплощено и в общей для них теме избранничества поэта-изгнанника. Примечательно, что и у Цветаевой, и у Бродского поэт – добровольный изгнанник, потому что... «жизнь – это место, где жить нельзя» и «для каждого, кто не гад, еврейский погром – жизнь». (М. Цветаева «Поэма конца»). Таким образом, изгнанничество становится для Цветаевой своеобразным свидетельством избранности, чистоты совести и сердца. В качестве синонимов слова «изгой» у нее выступают «поэт» и «еврей». «Так не достойнее ль во сто крат стать вечным жидом?» – провозглашает она в «Поэме конца». Совершенно аналогичные идеи получают несколько иное оформление в «Письме римскому другу» Бродского:

Если выпало в Империя родиться,
Лучше жить в глухой провинции у моря.
И от Цезаря далеко, и от выюги.
Лебезить не нужно, трусить, торопиться.
Говоришь, что все наместники – ворюги?
Но ворюга мне милей, чем кровопийца.

Подлинное бытие и Бродского, и Цветаевой осуществлялось не в реальном мире повседневности, а в мире духовных сущностей. Отстранясь от явлений действительности, они оба обрели свободу, средством достижения которой являлось творчество. Душа поэта, по мнению Бродского сродни «тому свету» Цветаевой, населенному поэтами, которые получили бессмертие. Единственным пристанищем, средством борьбы с пустотой в реальной жизни для обоих были стихи, и ценность любой вещи в мире определялась способностью становиться поэтиче-

ским объектом. У Бродского в «Строфах» читаем: «Все – только пир согласных на их ножках кривых». Строки из исследуемого стихотворения: «Я, как мог, обессмертил то, что не удержал» перекликаются с рядом цветаевских. Так, главным итогом своего любовного чувства к Ю. Завадскому Цветаева считает «легонькую стопку восхитительных стихов». («Комедьянт»).

Поэт-изгнанник в стихотворении И. Бродского, «жертва законов речи», безразличен «к прошлому, к пустоте в будущем», и знание о них лишь ускоряет его отдаление от мира, «бегство по бумаге пера». Тема изгнанничества в некоторых эпизодах имеем реально-биографический характер. («Как 33 буква, я пячусь всю жизнь вперед»), в других – образ поэта-изгоя приобретает вечные черты.

И для Цветаевой, и для Бродского характерно трагическое противоречие между идеальным миром и реальным, результат чего - эмоциональные потрясения, изоляция, потерянности. Сходные чувства выражаются у Цветаевой и Бродского не идентично уже в силу разности их натур полов. Там, где Цветаева предельно экспрессивна, «распахивает душу», Бродский по-мужски сдержан, горд и ироничен. В финале «Строф» он прячет душевную муку за кажущимся бесстрашием.

Таким образом, нам представляется оправданным говорить о воздействии поэзии и Личности Цветаевой на творчество И. Бродского.